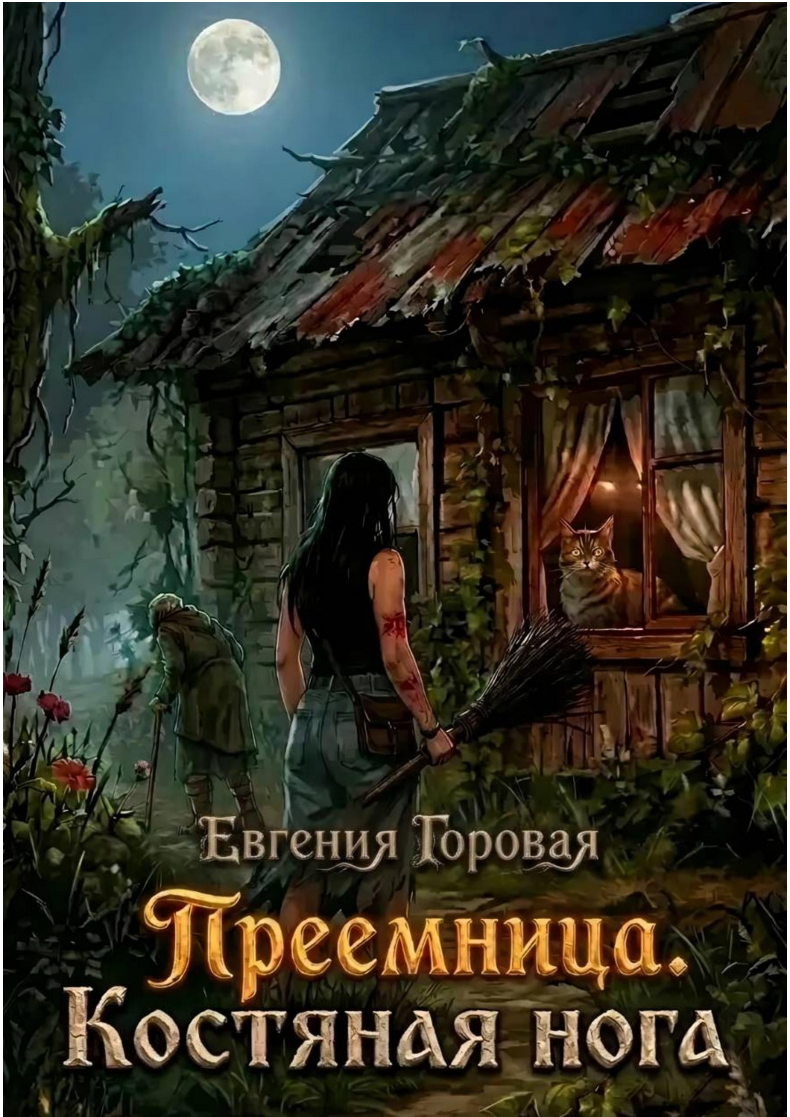

Евгения Горовая
Преемница.
Костяная нога

Евгения Горовая

Преемница. Костяная нога

https://litres.ru/73986853
SelfPub; 2026

Аннотация

Любая заброшенная деревня – это дом, оставшийся без хозяина. Или хозяйки, которая не всегда представляет, какую ответственную миссию возложили на нее предки. Меня зовут Устинья. И я приехала в это Богом забытое место в голубых кедах и с одним рюкзаком на плече.

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Евгения Горовая
Преемница. Костяная нога

Глава

Глава 1

Чего я точно не ожидала увидеть в этой глуши, так это вполне ухоженную церквушку с острой крышей и большими сверкающими колоколами. Она возвышалась над почти стертой с лица земли деревней, выглядывая сквозь кроны вековых размашистых деревьев уверяя: «Не отчаивайся, уставший путник, тут есть Бог».

Мои голубые кеды нырнули в еще мокрую от дождя траву, а одна единственная узкая тропинка, протоптанная посреди заросших колхозных полей и покосившихся домов, печально глядевших на меня своими черными косыми очами, повела меня к родному дому. Влажный воздух обнимал вековые деревья, а зеленые в крапинку болота обрамлялись непроходимым бурьяном и рогозом, который когда-то манил всю окрестную детвору.

Меня зовут Устинья. Необычное имя я получила в честь прабабки, которая была уроженкой этих мест. Они не всегда были заброшенными. Раньше тут жили и трудились люди, ночами «переговаривались» собаки, а кошки вальяжно

умывали свои усатые морды сидя на деревянных крылечках. Сейчас деревня напоминала дом, который остался без хозяина и отчаянно боролся за свое существование.

Дом прабабки находился в самом конце, недалеко от кладбища и густого леса. Жуткое местечко, скажу я вам. В детстве мне частенько казалось, что из-за необъятного скрипучего дуба, который раскинул свои мощные ветви прямо при входе в деревенский лес, мне улыбался забавный старичок. Он же мерещился мне на самых богатых урожаем полянках, когда мы с прабабкой ходили за грибами и ягодами.

Устиньи Федоровны не стало лет десять назад, когда мне было 24 года. Ей самой к тому моменту уже перевалило за сотню. Она за свою жизнь увидела революцию, войну, госпереворот и становление новой страны, в связи с чем ей было не привыкать к голоду, нестабильности и тщательному планированию жизни. Как выяснится, распланировала она и все даже после смерти.

Еще на похоронах деревенские украдкой поглядывали на меня, а беспардонная баб Валя, узлом закидывая руки за спину и шлепая беззубым ртом, бубнила, что мне теперь за все отвечать. Мама махала руками и ядовито оценивала каждого персонажа из окружения папиной бабки. Это все, что всплывает в памяти о проводах Устиньи Федоровны в другой мир.

Забылось бы и оно, если бы не события, которые буквально заставили меня вернуться в эти места.

После многих лет спокойной жизни, в которой я отучилась на врача, успела разочароваться в людях и бесплатной медицине, поработать косметологом в одном из модных косметологических салонов и даже пописать статьи про всякие новомодные процедуры в интернет-издании, прошлое начало неистово стучаться в двери.

Примерно год назад, мне начали сниться странные сны. Главная деревенская улица, утопающая в зелени, крепкие дома с резными наличниками, а рядом - люди в крестьянской одежде. Они выглядывают из-за своих щербатых заборов, смотря мне вслед, пока я, наблюдая во сне только свои босые ноги, шагаю прямо к родному дому. Не страшно, но не особо приятно.

Потом во снах начала являться сама прабабка. Она сидела за столом, накрытым разноцветной клеенкой, молча смотрела на меня и перемешивала в кружке нечто густое и черное, что-то совсем непохоже на чай.

Периодически звонила мать, которую также во снах дергала Устинья и просила посетить ее могилу. Как всегда, было особо не до этого. И времени, как часто у всех бывает, я не имела. Тогда мои предки подключили «тяжелую артиллерию».

Со своим отцом, внуком Устиньи Федоровны, я не общалась уже лет десять. Они с мамой развелись, и, хоть я с ним и не ругалась, разговоры и звонки со временем сами сошли на нет. Не стало даже дежурных поздравлений на дни рождения

и Новый год. Друг для друга мы растворились во времени, будто и не были никогда не то, что родственниками, но даже просто хорошими знакомыми.

В июле, кажется в субботу, меня разбудил стук в дверь. Я сильно удивилась, увидев в глазок измученного и бледного отца. Когда он вошел в квартиру, я заметила, что его мягкие черты стали острее и больше, обрамив серыми синяками впавшие в лицо глаза. Поздоровавшись и заявив, что он пришел с миром и важным посланием, отец приземлился на пуфик в прихожей, упрямо отказываясь заходить дальше. Отказался даже от кофе, хотя в прошлой, некогда счастливой жизни, это был его любимый напиток.

Он долго смотрел в зеркало, игнорируя мои вопросы, а затем тихо спросил: «Ты видишь ее?».

- Кого? - опешила я.

- Эту старую ведьму! - крикнул он, тыча пальцем в зеркало.

Я растеряно закатила глазами. Отец никогда не имел проблем с психикой или алкоголем. Всегда казалось, что ежегодные медкомиссии и офицерские погоны станут его оберегом от сумасшествия. Однако передо мной сидел совсем чужой и безумный человек, который уверял меня, что в зеркале ему грозит пальцем мертвая бабка.

Пока я судорожно соображала, что делать, он продолжал:

- Она приходит ко мне во снах, мелькает в телевизоре, звонит по телефону!

- Мертвая прабабка? Вот женщины, все им лишь бы поболтать, - улыбнулась я и попыталась перевести разговор в шутку, но безумный взгляд отца меня остановил.

- Я знаю, что кажусь психом. Я и сам бы уже звонил в скорую, приди ко мне ты с такими рассказами. Но выслушай, она меня измучила.

Начал он издалека. С того, что бабка его не любила и отчаянно ждала сначала дочку, потом внучку, а рождались одни мальчики:

«И к отцу, и ко мне Устинья всегда была холодна. Это была не та бабушка, которая ждала внучка с теплыми пирожками и наваристым борщом. Но да, каждое лето я был у нее. Мать работала на руководящей должности, отец военный – у кого есть время сидеть со мной. Как и соседские ребята, я копал, поливал, занимался со скотиной, но, выполнив все домашние дела я был волен делать то, что хочу.

- Хоть какая-то от тебя же должна быть польза, - бубнила она себе под нос, когда я, стоял над очередной грядкой.

Несмотря на холодность, она, конечно, никогда не обижала, вовремя кормила и даже пыталась радовать. Это выглядело сухо и нелепо, будто когда-то давно она без наркоза вырезала всю свою нежность, но периодически доставала ее из закромов и надевала ее на себя как узкое платье, сжимающее грудь и не дающее ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Знаешь, как-то раз, она подарила мне игрушку – деревянного солдатика. Сделано это было так искусно, что даже иг-

рать с ним было жалко. Не знаю, почему он так въелся мне в память, может быть потому, что этим солдатиком потом стал я сам», - отец протяжно вздохнул, проведя ладонью по лицу сверху вниз и ухватившись за подбородок, будто пытался как можно сильнее вытянуть его, а затем, уперевшись правым плечом на белую обувничку, продолжил:

«Что удивительно, твою мать она приняла сразу, не то, что мою. Она отмечала сходство с собой, наверно. Особенно ее радовали черные смоляные волосы и бледная кожа Машки, которая стала еще белее во время беременности. А может яркие карие глаза, в которых так хотелось утонуть.

Все она за ней ухаживала, помогала, а однажды позвала в уголок, вручила набранный в поле букет из таких синих цветов, Бог знает, как их называют, и попросила назвать дочь ее именем.

- Помирать мне скоро, близка не была я ни с сыном, ни с внуком. А так хоть память останется обо мне, буду жить в ней.

Машка согласилась. Да и я не возражал, имя-то красивое, необычное. Ты стала ее отдушиной и смыслом. Она брала тебя каждое лето с большим удовольствием, правда, когда ты приезжала, обрушивала на нас целый ворох деревенских суеверий. От домовых до оборотней. Потому и перестали отпускать тебя. Мать, конечно, возражала, но я настоял.

Бабка горевала, но там уже и ты подросла, стало не до деревни и настала пора университетских знакомств, экзаме-

нов, свиданий. Забылась Устинья. Только вот она тебя не забыла. Ты наверно слышала, что городили деревенские на ее похоронах? О преемнице, обрядах ее. Я слышал об этом, будучи ребенком, но то, что она правда ведьма – не знал. А сейчас сам поверил. Вцепилась, старуха. Не отпускает, с ума сводит. Требует, чтобы ты прибыла в деревню», - выпалил отец и с облегчением посмотрел на меня.

- Зачем? – спросила я, пытаясь скрыть панику, накрывавшую меня тяжелым одеялом, от которого становилось больно дышать.

- Там есть что-то твое. Так она говорит, - сказал он и резко повернув голову в мою сторону, кинул, — Не спрашивай, что это, я понятия не имею.

После этого отец повернулся к зеркалу, вытянул шею и выпучил глаза, словно сумасшедший индюк заорал:

- Я передал ей! Передал! Уходи и не тревожь меня больше, карга».

Я боялась пошевелиться. Спровоцировать его на агрессию, крики, может быть драку. Однако высказавшись и прооравшись, он встал, поправил немного помятую куртку и, махнув мне головой, молча вышел из квартиры.

Держась за угол стены, я вытянула голову и боязливо посмотрела в зеркало. Конечно же, там показалось только мое испуганное лицо, приоткрытая в гостиную дверь и связка ключей, которая небрежно лежала на той самой обувничке.

«И когда успел ее положить туда», - подумала и я, протя-

нув руку, взяла их и закинула в стоящую на соседнем комоде сумку.

Глава 2

- Совсем уже чокнулся! Вот до чего людей доводит одиночество. Дом, работа, никаких семейных связей, - щебетала мне в трубку довольная сумасшествием отца мама, - а вот в деревню, я бы на твоем месте съездила. Устинья завещала дом и все, то в нем находится тебе. А ты, за столько лет, ни то, что не продала эту рухлядь, но даже не разобралась там. Я бы уже давно перебрала все и сбагрила лишнее, - отметила мать, напомнив и об ипотеке, и о трудностях с работой, и о тяжелых временах, которые всегда настают.

«Может быть мать права и стоит уже отпустить прошлое и продать дом. Закрыть всю ипотеку вряд ли получится, но неплохую ее часть – вполне», - думала я.

В голове сразу всплыли картинки из детства – кусты малины, обвивающие участок, как колючая проволока, дикие яблони, на которых висели маленькие зеленые плоды на вкус как бумага, скрипящие половицы и эхо, уходящее далеко под горку и возвращающееся к тебе бумерангом.

Жалко было это потерять несмотря на то, что меня не было там уже много лет. Я понимала, что огород давно зарос бурьяном или той же малиной, а яблони давно уже не плодоносят. Перепахивать, рубить и строить я не смогу. Поэтому твердо решила, что, если за мое прошлое можно купить себе настоящее – глупо было бы этим не воспользоваться.

Мать торжественно пообещала прибыть в деревню через неделю и помочь максимально привести дом в порядок, отмечая, что вся надежда именно на него, ведь за разросшийся вокруг бурьян, люди точно попросят скидку.

Билет я взяла на завтра, а сегодня решила написать все, что от меня требовала редакция до конца недели. Однако спустя несколько часов, несмотря на несколько кружек кофе, меня начало отключать.

Мысли путались: отец, дом, деревня, призраки и робкие надежды на упрощение будущего. Я улеглась на кровать, как всегда, оставив свет в ванной. Он просачивался сквозь слегка приоткрытую дверь, смешиваясь с темнотой, как кофе с молоком. Сон пришел быстро. А там: снова деревня, снова дома, туман, в котором медленно начали появляться человеческие черты. Белое лицо со стертыми чертами и кошачий взгляд. А в них - насмешка и ехидство. Не видя губ, я по глазам понимала, что мне улыбаются, но добро было в этом взгляде или нет – понять не смогла.

Резко в глазах все заморгало, как в советском телевизоре во время помех, а потом на моем личном экране появилась встревоженная прабабка, которая била кулаком по столу и кричала: «вернись!», а после рухнула и расползлась черной жижей в деревянные щели в полу.

Глава 3

В детстве я ненавидела вонючие автобусы. В те времена они напоминали железных бегемотов, представляя собой

квадратное «туловище» и вытянутый «нос» с фарами-ноздрями. Махровые тесные сидения в жару прилипали к коже еще противнее, чем кожзам, он же тонкий полиэтилен, приклеенный на тканевую основу в пришедших после «бегемотов» ПАЗиках, и остающийся на ногах после получасовой поездки.

Каждый раз меня рвало в заранее заготовленные родителями пакеты. Зачем ребенка пытались накормить перед дальней дорогой – остается загадкой, должно быть это был какой-то древний ритуал. Однажды я так перенервничала в ожидании поездки, что простилась с обедом еще до нее. Кстати, в тот раз, путь до деревни был более комфортным, даже пахло не так противно, как обычно. Хотя, конечно же, дорогу «украшали» граждане, не признающие дезодоранты и вовремя принятый душ.

«Может быть в те времена эти средства гигиены стоили дороже или считались вредными?», - думала я, стоя на вокзале: «Ну нет, адептов естественности и сейчас вполне хватает в автобусах и троллейбусах», - спорила я сама с собой, заметив, что чаще всего это тучные мужчины, которые наряжаются в свитера даже в очень жаркую погоду.

Честно говоря, я не ожидала увидеть на маршруте тот же уставший ПАЗик, резко и с грохотом открывший переднюю дверь прямо перед моим носом. Запахи табака и старости сжигали весь кислород, несмотря на полностью открытые окна и даже люк на крыше.

Не изменился даже пассажирский состав. Будто одни и те же люди, застыли во времени вместе с этим ПАЗиком. Массивная бабка с тележкой, даже в июле нагруженной рассадой, небрежно отпихнула меня в сторону, тем самым наказав за нерасторопность при посадке, а седой сухенький старичок с белой бородой, одетый в классические черные брюки и посеревшую от старости льняную рубашку, отсчитывал медные монетки в своей тощей исполосанной венами руке. Автобус гудел, как улей пчел за работой. Именно под этот монотонный и густой шум, а также под мелькание картинок в такт ему, я провалилась в очередной странный сон, где на фоне уже осточертевшей мне деревни из пепелища выглядывает тоненькая детская ручка, сжимающая воздух и пытающаяся ухватиться за что-то, что вытянет ее обладателя из пепла времени и отчаяния.

Что интересно после того, как шум автобуса начал просачиваться в мой сон, движения начали замедляться, а потом и вовсе остановились, будто тот, кто управлял этой рукой понял, что за ним наблюдают и тоже начал прислушиваться к пространству.

Проснулась я уже почти на месте, рассматривая купола старой церкви. Продефилировав по дороге, полю и небольшому перелеску, я направилась к дому сквозь пустую деревню и, открыв большой навесной замок, сторожащий фамильный дом, погрузилась в сени скрипнув кривой половицей. Там все также стояли железные ведра, из которых я

когда-то жадно черпала эмалированным зеленым ковшиком колодезную воду, а тарелки, кружки и другая утварь выглядели так, будто их только вчера поставили в открытую полку. Сквозь связанную крючком тюль сиротливо заглядывали в окна, стоящие чуть поодаль дровница и сарай, рядом с которым все также стоял козел для распила бревен, который я в детстве окрестила личным конем и скакала на нем с самодельным луком, сконструированным из гибкой веточки и вязальной нитки.

«Странно, что тут не побили окна и не унесли все, что не приколочено», - подумала я и осторожно открыла дверь в длинный коридор, соединяющий выход в комнатку и выход в огород.

«Ничего не видно», - подумала я и, подняв руку, щелкнула выключателем. Работает!

Огромная дверь, обшитая утеплителем и толстенным кожзамом, украшенным ромбами из толстой проволоки и длинных гвоздей, открылась без ключа, рассыпав в воздухе ореол пыли.

Светло-серая печь, а за ней - вышитые шторки – импровизированная спальня. Между печью и узкой железной кроватью - деревянный платяной шкаф с вырезанными узорами, а сразу напротив двери – большой диван. В былые времена его, при необходимости, разбирали в кровать. Рядом – пухлый холодильник «Бирюса», а над ним старые часы с кукушкой, которая выглядывала из своего окошка и большая

рамка с кучей черно-белых фотографий. Центром интерьера был столик напротив окна, и, конечно, резной буфет. Я всегда мечтала поставить такой же на своей кухне именно из- за прекрасных воспоминаний об этом доме.

Я сфотографировала убранство на телефон и обратила внимание на то, что хотя дом и располагался на пригорке, связь тут не ловит. Предполагая такой исход, я заранее предупредила маму, а также коллег и знакомых, о том, что несколько дней я буду вне зоны доступа.

«Ну что ж, устрою цифровой детокс», - подумала я, подошла к своему любимому предмету мебели и начала его осматривать. Боковым зрением я заметила шевеление в окне и резко повернула туда голову. За стеклом мелькало сморщенное лицо с нависшими веками под широченными седыми бровями.

Выронив из рук спортивную сумку, я заорала, чему лицо очень удивилось, и, подняв свои веки выпрямилось, посмотрело на меня, а затем исказилось в тревожной гримасе, удаляясь от моего окна.

Когда я прекратила орать, то поняла, что лицо, а вместе с ним и все остальное туловище, хромает по сеням и коридору. Дверь в комнату открылась и в проеме, уперевшись на костыль, предстала невысокая кругленькая бабулька в пижамных штанах и вполне себе нарядной блузке с массивными рюшами.

- Приехала преемница! Ну все, Устиньюшка, не скучно

тебе теперь будет! Принимай правнучку, - громко и гордо скандировала женщина в воздух и, взглянув на меня, спросила:

- А ты что без еды совсем? Все вещи в этой сумке?

- Да, - ответила я, - я ненадолго. Я продавать буду дом.

- А ненадолго уже не получится, да и дом ты не продашь – загадочно заулыбалась бабка, - Зинаида Кузьминична, будем знакомы.

- Что вы имеете в виду? Почему не получится?

- Я долго тебя ждала, - ответила она, проигнорировав вопрос, - Ты пока протри тут пыль, приберись, Устинья чистоту любит. А я пойду принесу еды, да и к чаю чего-нибудь.

Гостья ушла, а я, следуя ее наставлениям, подмела в доме, протерла пыль и принесла воды из колодца. Он находится чуть ниже дома, за небольшим оврагом и болотом. Поговаривают, что оно раньше было одним из нескольких озер, которые обустроили помещики, жившие тут до революции. Их дом, к сожалению, почти разрушился, но раньше там был летний лагерь, поэтому территория кишела детьми, которые играли в футбол, купались в озерах и ходили в лес. Я это видела, когда была маленькой и жутко завидовала находящимся там детям, хотя подойти и познакомиться с ними стеснялась.

Сама деревня представляла собой самое обычное селение из нескольких десятков домов, которые каждый год сиротели и ветшали, оставшись без душевного тепла. Длинная улица,

по двум сторонам строения, как жилые, так и хозяйственные. Последние могли находиться даже не на территории дома, а через дорогу или за огородом. Многие также использовали поля за участком, засаживая их картофелем. Особенно это было распространено в 90-е. Подобный самозахват в те времена помог выжить сразу нескольким семьям нашей родни. Колодец не у каждого дома, идти – прилично. В такие прогулки мне вспоминалась экскурсия, где рассказывали о быте крестьян. В определенный день, не помню какой, после церкви все шли к колодцу, где женихи присматривали себе невест. Я тогда вспоминала те огромные деревья, куполом склоняющиеся над колодцем, сырость и будто выжженую черную землю, обрамлявшую его и думала, чем же такое место заслужило статус самого романтичного в поселении.

Я еще раз взглянула на узкие купола церквушки, которые украдкой смотрели в окно из-за деревьев, и подумала, сколько же людей тут осталось, если церквушка, возвышающаяся над деревней все еще востребована.

- Церковь наша очень сильная, - прервала мои мысли Кузьминична, - да и никак тут без нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.